

Сергей Кожин

Выше севера

Там где юг

повесть

12+

Сергей Кожин

Выше Севера – там, где Юг

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кожин С. В.

Выше Севера – там, где Юг / С. В. Кожин — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Существует большой мир. Там гигантские самолёты бороздят бескрайние мировые просторы. А есть мир Максима Кашеварова, первого пилота старушки "аннушки" (АН-2), приписанной к аэропорту "Талаги", что под Архангельском. Вокруг маленькие люди с своими маленькими заботами: роды, свадьбы, похороны. И единственная связь с внешним миром - Максим и его "аннушка". Да ещё и внебрачный шестнадцатилетний сын из прошлой жизни на голову свалился. Но даже здесь всегда есть место подвигу. И воплощению главной мечты. Надо только подняться - над собой в том числе.

© Кожин С. В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

ГЛАВА 1	5
Апрель 1974 г. Егорьевск	5
ГЛАВА 2	10
Конец ноября 1990 г. Нянельма	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

ГЛАВА 1

Апрель 1974 г. Егорьевск

“... Это случилось в мою прошлую командировку на Южный полюс... Надо было топливо забросить метеорологам. Поднялись. Идём на шесть тысяч. Небо голубое. Погода звенит. Но что-то мне не нравится. На пол-тона ниже звенит чем обычно. Но с виду всё нормально. Я и успокоился. А зря. Подлетаем... Мать честная, у них взлётно посадочная прямо посередине расколота. Мы и так и этак – не сесть. Командир уж было хотел назад на базу возвращаться. И тут меня прямо как в висок стрельнуло – давайте, говорю, зайдём со стороны торосов и на минимальной скорости притрёмся к полосе. Командир плечами пожал и управление мне передал. Ну я всё так и сделал. Повесил машину, наклон на нос дал. Торосы перепополз в метре от поверхности и выскочил на ВВП. Едем мы по ней к трещине, а тормоза не помогают – машина-то перегружена. Думаю, всё – угробил и себя и ребят. Но повезло, остановились на пол-колеса не доехав от расщелины. А там глубина знаете какая – метров семьсот. И выскочить бы не успели.” – Максим Кашеваров утёр пот со лба и выдохнул. Над классом плыла тишина. Он прямо кожей ощущал на себе взгляды восьмиклассников, особенно девочек. Одна из них, с большим розовым бантом, тут же подняла руку и молоденькая классная вопросительно глянула на Максима. “Конечно!” – одобрительно кивнул он.

– Скажите, а такую красивую форму всем лётчикам выдают или только таким героям как вы?

Максим зарделся:

– Э...видишь ли...

– Лена. – подсказал розовый бант.

– Видишь ли, Лена, это курсантская форма. Её выдают всем. Но когда мы выходим на настоящую работу... Там у нас другая форма.

– Ещё красивее! – выдохнул розовый бант.

– Ну да...у кого ещё есть вопросы? – заторопился Максим Кашеваров.

Звонок на урок ещё гулким эхом перекатывался по школьным коридорам, А Максим с молодой классной руководительницей неторопливо шли к выходу. Он преувеличенно значительно кивая на её восторженные слова:

– Ещё раз, огромное вам спасибо, Максим! Дети вас так слушали. Даже этот оболтус Гриша Меркушев. У него семья неполная, отец алкоголик был. Но мы всех должны учить. А тут, слышу, говорит ребятам: «Точно в лётчики пойду, не то что вы, заучки!» Вы сделали большое дело! А я и не знала, что наши курсанты в Антарктиду летают.

– Э... – Максим покраснел и замялся:

– Это была практика. Я надеюсь, как получу диплом, снова вернуться туда.

– Ой, как здорово! Если бы вы могли еще раз прийти к нам! – Восхищенно всплеснула руками молодая учительница.

Максим остановился и растерянно посмотрел на неё. Повисла неловкая пауза. Наконец, он сглотнул слюну и решился:

– Может в кино ходим?

Учительница улыбнулась:

– Ходим. Только когда?

Максим замешкался, но быстро нашёлся:

– Э...”Высокий блондин в красном ботинке”, завтра в семь вечера!

Учительница прыснула:

– ...”В черном ботинке”! Я не знаю как у меня завтра будет со свободным временем... Может вы позвоните? Я вам телефон сейчас дам.

Максим смотрел на неё во все глаза и только кивал головой.

Учительница быстро подошла к подоконнику, вырвала лист из общей тетради, красивым почерком вывела цифры и протянула его Максиму:

– Только я в общежитии живу. Скажете, чтобы позвали Варю из семьдесят второй.”

– Варя... у вас необычное имя” – всё ещё краснея, тихо произнёс Максим, глядя в глаза девушке.

– Чепуха! – Засмеялась она:

– Меня в честь бабушки назвали. А мне приятно было с вами познакомиться Максим. Не каждый день вот так близко увидишь настоящего героя.

– ...Курсант Кашеваров!

Максим очнулся лишь когда старший преподаватель Демидыч оказался с ним лицом к лицу.

– Я! – Запоздало подал голос Максим. Сокурсники весело заржали.

– Ты, ты, Кашеваров, вижу, что не Покрышкин, – добродушно усмехнулся Демидыч:

– Так вот, официально извещаю вас, товарищи курсанты, и особенно заснувшего бойца Кашеварова, что на этом ваше теоретическое обучение закончено. И с сегодняшнего дня вы, товарищи курсанты, переходите к практике.

Парни весело зашумели.

– Сейчас дойдёте до ангаров, познакомитесь со своими инструкторами. А потом в бой! Покажите всем, что вы не зря протирали штаны на тренажёрах!

По дороге к ангарам к Максу прибился лучший друг Никита Кратов:

– Макс, ну как?

Кашеваров только отмахнулся:

– Нормально.

Никита поморщился:

– Да чего такой скрытный? Как свидание прошло?

Макс вздохнул:

– Так же как и все остальные. Кино, поцелуи. Только надоело уже по подъездам, да останкам прятаться. Мне б хату снять, хоть на пол-часа.

Никита с сожалением глянул на друга:

– А ты к Римнику обращался?

– Ага, три рубля за вечер. И то по выходным, когда родки на дачу уедут.

– Вот буржуй! Всё не как у людей.

У ангара курсантов быстро распределили среди инструкторов – ребят лет на пять старше. Максиму достался высокий худой и черный с пергаментной кожей. Максиму он сразу не понравился. Держал себя заносчиво, с ходу предложил называть себя Алексеем Робертовичем – по отчеству. Несмотря на некоторое напряжение Як-18 Максима взлетел почти идеально. В полёте Максим грубых ошибок не совершил, но Алексей постоянно хмурился и что-то у себя там в книжке записывал. Впереди было самое трудное – посадка.

Зашёл Максим как по учебнику. Дальний – ближний направляющие. Коробочка. В глиссаду попал. Но буквально за секунду до касания шасси поверхности Максиму показалось, что горизонтальная скорость слишком высока для приземления и он взял штурвал на себя. Окрик

инструктора последовал незамедлительно: “В чём дело, Кашеваров? А ну-ка давай отработаем упражнение «на метр». “

Проклиная свою пугливость, Максим развернул машину и попытался пройти в метре над взлетной полосой. Но это простейшее задание почему-то не получалось. Ему всё время казалось, что самолёт находится слишком низко и скорость его слишком высока. Увлечение планетным спортом дало о себе знать самым неожиданным образом. Всё это время Алексей Робертович мрачно сидел справа и искоса поглядывал на вспотевшего ученика.

При посадке Макс дал совершенно позорного «козла». На разборе полётов инструктор что-то сухо и в полголоса процитировал Демидычу из своих записей. Демидыч понуро его выслушал и обратился к Макс: “Максим, ты, конечно, у нас отличник теоретической и общественно-политической подготовки...но в реальности пока...не очень. «Метр» будешь теперь делать каждый день. Посадка это самое важное, сам понимаешь? – в заключение Демидыч расплылся в своей фирменной улыбке – А девушки...а девушки потом...”

Вся группа грохнула смехом, а Максим густо покраснел.

Вечером Макс мрачно лежал на своей койке почти не обращая, как товарищи по-соседству резались в карты. У Вари сегодня было дежурство. Да и вообще день не задался. И тут к нему подбежал возбуждённый Никита: “Макс, Макс...” – зашептал он, усиленно подмигивая наклонённой головой.

Макс нехотя поднялся и вышел с Никитой в прокуренный коридор.

– Нашёл, нашёл я тебе хату! – возбуждённо зашептал Никита. – Тут у меня один знакомый заодно сторожем подрабатывает, ему служебная положена. Он мне должен за блок жвачки, который я у отца для него взял. А я тебе должен. Вот, на той неделе во вторник. Пойдёт?”

Удивление на лице Макса быстро сменилось радостью и он с размаху хлопнул Никиту по плечу: “Эх, Ника, чтобы я без тебя делал?!”

Никита шутливо скорчил физиономию: “Тише, а то плечо выбьешь. Уберешь соперника с дороги!”

И друзья весело засмеялись.

На ободранной стене старой дворницкой гулко тикали старые ходики. Варя и Максим лежали, обнявшись, а за окнами накрапывал унылый октябрьский дождик. Настроение у Макса тоже было не очень.

– Макс... – Нежно потерлась о его плечо Варя.

Но Макс только вздохнул и тогда Варя приподнялась на локте:

– Макс, ты чего такой бука?

Макс тяжело вздохнул:

– Да ничего... ерунда какая-то.

Варя улыбнулась:

– Ты ж герой, все у тебя будет хорошо – я верю...Как бы нам съехаться, и чтобы отношения стали серьёзными, что ли...

Тут уже встрепенулся Макс:

– В ЗАГС что ли? Ты наконец согласна? А там может в общежитии комнату для семейных дадут.

Варя сделала такое лицо будто что-то усиленно вспоминала:

– Ты мне руку и сердце предлагаешь?

Макс недовольно покачал головой:

– Между прочим, уже в третий раз!

Варя степенно села на продавленной тахте и посмотрела на Макса сверху-вниз:

– Эх, Максим, я не хочу на птичьих правах, я хочу чтобы гнездо своё, чтобы деткам где было поиграть.

Макс только вздохнул. А Варя продолжила:

– Но я всё придумала. Завтра дядя мой приезжает. Он мне всегда как отец был. Если ты ему понравишься, а ты ему обязательно понравишься, то всё у нас будет.

Максим озадаченно глянул на Варю:

– Что за дядя? Кто он – министр?

Варя засмеялась:

– Бери выше! А вот ничего не скажу, не скажу! Приходи завтра в семь ко мне. И не забудь сделать официальное предложение!

И Варя бросилась целовать оторопевшего Максима.

Назавтра с утра Максим опять вышел на свой проклятый «метр». Демидыч уже не смеялся, а бывало уныло посматривал на Макса и ничего не говорил. Но сегодня настроение было другое.

– Ну, Кашеваров, считай тебе повезло. Сегодня с тобой полетит сам Семён Рыбалёв! Залетел к нам ненадолго.

О Рыбалёве в училище ходили легенды. Выпускник училища. Участник Великой Отечественной. Знаменитый полярный лётчик – «Сокол Антарктиды». О такой карьере мечтал каждый курсант.

Около самолёта Максима уже поджидал пятидесятилетний подтянутый мужчина в кожанке: “Здравствуй, Максим! Ну что там у тебя с посадкой? Демидов говорит, что в теории ты ас, а «метра» не видишь.”

Поднялись и отработали все обязательные элементы. С Рыбалёвым Максу было на удивление спокойно и надёжно. Но настала пора пробовать упрямый «метр». Как обычно, с первого раза ничего не получилось. Когда пошли на второй круг Рыбалёв отчётливо произнёс в шлемофон: “Максим, слушай. Когда опять пойдёшь на «метр», повторяй всегда: «Чкалов летал на «четыре», а я летаю на «шесть». А вот этот мудака, что меня проверяет, вообще летать не умеет. Сейчас я ему покажу!» А теперь пошёл!”

В этот раз Максим всё сделал правильно и посадил самолёт чисто и аккуратно. Рыбалёв бодро выскочил из кабины, похлопал Максима по плечу и ушёл о чём-то совещаться с инструкторами, а Максима уже ждал в стороне Никита: “Всё получилось? Сегодня в форме пойдёшь или в костюме?”

Максиму было легко и весело: “Форму надену для форса. Цветы нарву у нас на клумбе. Надо ещё полярный значок прицепить. Чтобы всё получилось.”

Этот значок Макс в своё время выменял на импортный журнал и пока еще ни разу не надевал.

На вахте женского общежития Макса встретили как родного. Сегодня дежурила молодая Елена Петровна: “Максим! Какой нарядный? А букет не мне? Эх, повезло Варьке с женихом. Иди-иди, тебя уже ждут.”

Слегка дрожа от возбуждения Максим поднялся на второй этаж и постучал в знакомую комнату. За дверью послышался Варин голос: “О, пришёл, пришёл!”

И она распахнула дверь и приняла букет.

– Спасибо, Макс!

Максим сделал шаг вперёд и комната поплыла перед глазами. За небольшим столом уставленном скромной снедью сидели три соседки Вари и... Семён Рыбалёв собственной персоной.

“Макс, Макс, чего встал?” – щебетала Варя, – “Это Семён Михайлович Рыбалёв, мой дядя, брат моего отца, а это Максим Кашеваров, мой...друг.”

Рыбалёв озадаченно посмотрел на Максима, потом встал и протянул руку: “Ну здравствуй, герой Антарктиды, очень приятно, Семён.”

Максим сунул вперёд непослушную руку: “Максим. Это значит вы...дядя.”

Рыбалёв сосредоточенно посмотрел на Максима: “Я, да...а это что у тебя за значок?”

Варя поняла, что что-то пошло не так и попыталась вступить за жениха: “Это ему дали за героизм, когда он спас экспедицию...”

Семен ласково улыбнулся племяннице, но глаза его остались серьёзными: “Я охотно верю, что Максим герой каких мало. Просто вот его значок. «15 САЭ» А в пятнадцатой я был. Она была в шестьдесят девятом. Мы там Колю Дубровина похоронили. Попытался при посадке развернуться, так как Макс рассказывал у тебя в школе. Только на самом деле самолёт тогда занесло. Зацепил крылом лёд. Скапотировал. Ему штурвал в грудь вошёл.”

В комнате стало оглушительно тихо. А Варя повернулась и облила Макса долгим, непривычно оценивающим взглядом.

Макс стоял в коридоре общежития и трясущимися руками пытался прикурить сигарету. Не курил он давно и поэтому «Прима» только бестолково крошилась, а спички ломались в непослушных пальцах. Из комнаты вышел одетый по уличному Семён Рыбалёв. С сожалением глянул на Макса: “Ты, Максим, наверное станешь пилотом. Может и неплохим. И «метр» этот полная ерунда. Но нацеплять чужие значки... Я сейчас выхожу на кабинетную работу. Буду подбирать людей для следующих экспедиций. И...я не хочу чтобы ты был там. У нас не врут. Это опасно. А Варя...Варя пусть решает сама.”

Рыбалёв ушел. Максим поколебался некоторое время и осторожно постучал в дверь. Сначала ничего не было слышно. Затем он услышал легкие шаги. И звук сдерживаемого плача. А потом голос Вари: “ Уходи...Уходи!!! Я думала ты герой! Я хотела ждать тебя...А ты...”

– Варя! Варя!!! Я всё понял, я больше не буду! Мы будем вместе! Я люблю тебя! Я всё объясню!

Наступило недолгое молчание.

– Варя?!

Потом он услышал как легкие шаги заскользили от двери прочь.

– Варя! Варя!! Варя!!!

Коридор женского общежития вдруг свернулся в трубу по которой Максим Кашеваров всё быстрее заскользил вниз в своё будущее. Только небо в этом будущем не звенело. Оно имело вполне отчетливый пурпурно-розовый цвет и с каждым мгновением становясь всё ближе...

ГЛАВА 2

Конец ноября 1990 г. Нянельма

Максим никогда в жизни не видел такого заката. Небо горело как в последний раз. Всё вокруг стало пурпурно-розовым. Облака растворились в этом пламени, но солнца нигде не было видно.

“Где мы?” – спросил Максим у штурмана.

Но ответом ему было молчание. Тогда Максим нетерпеливо оглянулся. Но не увидел ничего. Самолёт просто растворился в этом огромном небесном костре. Кресла и приборной доски тоже не было. Максим просто летел сквозь пылающее небо, нелепо растопырившись на невидимом сидении. И как будто в ответ на незаданный вопрос навстречу ему понеслась тихая, но грустная песня. Пела девушка, как будто жалуясь самой себе на большую, но несбывшуюся любовь:

«Потеряла девка золоты ключи, да
Потеряла девка золоты ключи, да
На атласной ленточке, да
На атласной ленточке, да...»

И тут Максим проснулся. За окном только-только начинался робкий ноябрьский рассвет. Падал тихий пушистый снег. Ольги рядом уже не было. Накинув только легкий халатик она вовсю шуровала у большой русской печи и напевала приснившуюся Максиму песню. Он некоторое время любовался ловкими движениями молодухи, но тут от неосторожного движения предательски скрипнул диван и Ольга обернулась: “А проснулся, сокол залётный. Погодка-то налаживается. Выпустят вас сегодня.”

Максим с облегчением потянулся: “Эх, Олька, так бы и спал здесь всю жизнь.”

Ольга засмеялась: “Иди кашу ешь, женишок. При живом муже, мне второй не положен. Да и зачем мне летчик? От вас законные-то стонут.”

“Стонут, а живут. Тем более мы ж местные линии. Почти всегда дома.” – Макс бодро прыгнул с дивана и зашлепал к рукомойнику. Ольга оперлась о ухват и бросила ему в спину: “Слушай, я разводиться со своим не собираюсь. Хоть он и тюремщик, но жаль мне его. Дурак, конечно, а всё ж свой.”

Макс бодро окатил лицо из медного раритетного рукомойника и заухал от удовольствия. Потом долго растирался по пояс махровым полотенцем.

Прежде чем сесть за стол с ароматно пахнущей тарелкой распухшей гречневой каши, он подмигнул Ольге и указал на диван: “Может ещё?”

Та засмеялась: “Хватит. Неча вас баловать. Как в следующий раз с неба прыгнешь, так и посмотрим.”

Максим с наслаждением воткнул ложку в рассыпчатую дымящуюся горку: “А когда твой вернётся, будем продолжать?”

Ольга стала серьёзной: “Нет. Ничего не будет. Я забуду и ты забудешь. Буду женщиной честной, мужней и приличной.”

Макс прекратил жевать: “То есть со мной только неприличная может, да?”

Ольга вздохнула, переживая непонятливость полюбовника: “Насчёт других не знаю. Ты парень видный, симпатичный. Найдёшь свою вторую половину. А я...что я... женщине без мужика нельзя, тем более пять лет. “

Макс помолчал, потом продолжил сосредоточенно уплетал гречневую кашу обильно заправленную маслом и молоком.

О чём-то вспомнил и поднял глаза на Ольгу: “ А что это за песню ты пела?”

Ольга улыбнулась: “Эх ты, москвич и есть москвич. Это наша поморская. Про любовь злую...”

В сенях кто-то забухал сапожищами. Максим сноровисто прыгнул за выгородку и закрылся занавеской.

В избу влетела Матрена, местная почтальонша: “Олька! Где твой сокол?! Макс который? Да не прячься ты! Все итак всё знают!”

Максим конфузливо выглянул из-за неаккуратно задёрнутой занавески.

– Максим Александрович! Меня Илья прислал. Там твой Федька безобразничает!

– Чего случилось-то?

Макс прыгнул в штаны и быстро тянул на себя куртку и унты. Матрена в нетерпении прыгала рядом: “Выйди и увидишь! Он там такое творит!”

Как только Максим выскочил на улицу всё стало ясно. Над деревенькой жужжа крутил мертвые петли их бело-голубой АН-2. Обходя, как на слаломе любопытных замерших вразнобой на сельской улице с открытыми ртами, Максим помчался к избушке местного аэровокзала.

Вскочив внутрь он оттолкнул Илью – местного начальника аэропорта от микрофона, и что есть сил заорал в ребристую шишку: “Федька – урод, твою мать! Всё-всё матери и Людмиле расскажу! А ну быстро садись, гад!”

В микрофоне что-то щелкнуло и оттуда донёсся весёлый голос Федьки: “Завидно, да Саныч? Захожу на глissаду, оппа!”

Когда Ан-2 распахнул пассажирскую дверь оттуда начали выпадать на снег деревенские девки. Все как одна становились на четвереньки и дружно блевали. Последним на снег молодцевато выпрыгнул Федька Погудин второй пилот Максима. Он дурашливо приложил руку к наискосок напыленной фуражке и весело отчеканил: “Докладываю! Курс начинающих стюардесс местной молодёжи успешно преподан! Разрешите приступить к работе.”

От такой наглости Максим опешил: “Да я тебя...”

Захотелось врезать по наглой роже. Но Макс понимал, что на него смотрят прибывающие местные. Портить с ними отношения и компроментировать высокое звание летчика дурацким мордобоем не хотелось:

– ...Врезать бы тебе...ты ж их убить мог!

– Командир! Я ж так...поразвлекся в меру сил, не то что ты...

Душная волна ярости захлестнула сознание Максима и он всё-таки поднял кулак, но тут услышал сиплый голос местного участкового Савелия Михайловича Огаркова: “Хулиганим, значит! На киче давно не был, да Федька?”

Савелий вынырнул из-за Максима и сноровисто окольцевал руки Фёдора наручниками.

“Э...дядя Савелий, мне ж работать ещё...ты чего?” – вытаращил глаза второй пилот.

Но Савелий был зол как никогда: “Сволочь, кобель ты сраный. За Машку ответишь!”

“Да я...я ничего ей не сделал. Саму спроси!” – упирался Федор.

Дочь участкового Маша, качаясь, оттолкнулась от самолёта и вяло махнула им рукой: “Ну правда, папа, мы сами попросили. Отпусти Федю.”

Но это панибратское «Федю» привело участкового в ещё большую ярость: «Федя, значит, Феденька... – передразнил Савелий – Поедет теперь твой Феденька в Сибирь! Там будет на зоне свои искусства устраивать. Это злостное хулиганство! Статья! Поняла!»

Осознав серьёзность ситуации, вмешался Максим: «Савелий Михайлович! Давайте поговорим, как люди. Его накажут. Серьёзно накажут в управлении. Но сейчас он мне нужен.»

Участковый развернулся к Максиму: «А ты, Максим Александрович, своего кореша не покрывай! Не покрывай! Нам в деревне все эти хулиганства не нужны! Вы ведь нам как семья! На вас все равняются! И вот завелась паршивая овца.»

«Я не паршивая овца!» – Влез в спор Фёдор.

«Да молчи ты! – Разозлился Максим и опять продолжил – Савелий Михайлович! Мне ж обратно лететь, и мне без второго пилота никак нельзя!»

Участковый на минуту заколебался, но преодолел себя: «Знаешь что Максим, закон есть закон. Ты за ним не углядел, значит оставь это дело мне.»

И повёл ошарашенного Федьку с взлетной полосы в сторону деревни.

Около аэровокзала Максима, Тамару, Федора и Савелия встретили недоумевающие пассажиры.

«Савелий Михайлович, кого поймал, бандита?» – Подскочила к участковому бойкая бабёнка Наташа – продавщица из местного сельмага.

«Максим, а рейс будет... Савелий, что ты творишь... Ну вот, опять... никакой демократии!» – Загалдели деревенские бабки обвешанные тюками.

«Тихо вы! – Остановился участковый – Он не бандит, а хулиган! Посидит суток пять в сарае, хуже не станет!»

«Пять суток!» – Взвизгнула Наташа. – Да у меня всё масло испортится! Даже солёное. Сам же спрашивать будешь!»

«Не надо превращать демократию в бардак, – защищался участковый, – закон есть закон!»

И тут из дверей избушки-аэропорта выскочил начальник Ильё: «Макс, Федя, заканчивайте балаган! Пришла телефонограмма из Архангельска. В Золотице Паша Филимонова рожает. Фельдшерицу уже сорвали. Давайте туда!»

Савелий растерянно оглянулся: «Сеструха? Ей же врачи сказали, что никогда...»

Наташа тут же заорала: «Снимай наручники, а то точно – никогда!»

Савелий обалдело вытащил ключи и тут же сдернул с рук Фёдора браслеты. Потирая руки, Федор пробубнил Ильё: «Так у нас и так переработка.»

Ильё пожал плечами и покосился на Макса: «Ничего не знаю. Вы сами ближние. А Архангельск пока закрыт. Сильный боковой и снег.»

Но Макс уже принял решение и бросил Федору: «Слышь ты, ас низшего пилотажа, быстро отвязывай предкрылки!»

Фёдор вздохнул и затрусил к «кукурузнику».

У избушки аэровокзала взвизгнула рессорами буханка с красными крестами на боках. С неё грузно свалилась в снег фельдшер Марьяна и тут же закричала на всю взлётку своим высоким голосом: «Давайте скорее, я в самолёте принимать ребёнка не хочу!»

Уже минут пятнадцать Максим пытался обойти снежный заряд и подкрасться к аэропорту Архангельска с разных сторон. Федор тоже нервничал и давал дурацкие советы: «Командир, а давай поднырнём снизу!»

«Федька! Чему тебя учили в твоей ЦПШ. – Зло шипел вспотевший Макс. – Поднырнем до сдвига, сбросит нас метров на 40. Твоя мама мне, если тебя разобью, не простит.»

«Тогда может сверху! По крутой глиссаде!» – Не унимался Федор.

“Сверху-снизу это ты своим “стюардессам” предлагай, а наверху у нас не ТУ-154... Чёрт, уйти то некуда. Не дотянем. У нас топлива на час. Остаётся ещё раз круг дать. “ – Соображал, не отводя взгляда от приборов, Максим.

В тесную кабину засунулась Наташа: “Эй, мужики, когда сядем? У неё уже воды отошли, сейчас начнётся.”

Максим быстро глянул её сторонки снова уткнулся в приборы: “В течение часа сядем. Не подождёт?”

Наташа хмыкнула и прокричала прямо ему на ухо: “Ты это малому скажи! Мне нужен кто-то из вас. Мы все сделаем, нужен кто нас силой подстраховать сможет. Подержит её когда схватки сильные пойдут.”

Максим кивнул Фёдору: “Иди ты.”

“А почему я?” – обреченно откинулся Федор.

“Потому что садиться будем по приборам со сдвигам ветра. А ты не потянешь. Это мой приказ!” – не глядя на второго пилота отчеканил Максим.

Федя сбросил шлемофон и покорно вывалился из кабины за Наташей. Внезапно она вернулась и снова нагнулась к Максиму: “Ты уж постарайся помягче, Макс.”

Максим кивнул и который раз запросил Талаги: “

– Пятнадцатый. Санитарный рейс. Запрашиваю посадку. На борту роженица. Срочно. Прошу скорою.”

Сквозь хрипы отозвался диспетчер: “Пятнадцатый. Посадку разрешаю. Всё на пределе. После тебя закрываюсь.”

Следующие пол-часа он только глядел на приборы, не обращая на то что творилось за стеклами, активно работал педалями и штурвалом и только шептал про себя: “Так... 500 на 270... крен... 10... отрабатываю... 300 на 240... крен 7 – отрабатываю... ближние, вижу ось...”

Перед самой посадкой на глиссаде произошёл этот злосчастный сдвиг: ветер вдруг зашёл с хвоста, но Макс была чеку и «Аннушка» мягко коснулась шасси взлётной полосы, перелетев почти две трети длины и некоторое время бежала вперёд почти не снижая скорости.

“Чёрт, коэффициент сцепления маловат,” – автоматически громко проговорил мысли Максим.

“Что делать будешь Кашеваров?” – Немедленно отозвался диспетчер.

Максим не ответил. Сжав зубы, он пытался вывернуть машину задним колесом, чтобы хоть немного увеличить длину пробега. Самолёт трясло и заносило в сторону. Активно работая педалями, Максиму удалось развернуть самолёт под небольшим углом к оси взлётной полосы и выигранных метров хватило. У самого снежного бруствера «Аннушка» чуть накренилась и замерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.